

Социальные и экономические последствия российской антиалкогольной кампании в годы Первой мировой войны

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию антиалкогольной политики Российского государства в годы Первой мировой войны. Автор дает обобщенную характеристику мероприятий, направленных на борьбу с пьянством, анализируются цели антиалкогольной кампании, причины ее неэффективности и последствия для страны. Обосновывается мысль о целесообразности прекращения торговли алкогольными напитками после вступления Российской империи в войну. Особое внимание автор уделяет социальным и экономическим последствиям столь радикального шага в условиях затяжной и беспрецедентной по финансовым затратам мировой войны. Автор приходит к выводу, что антиалкогольная кампания могла дать позитивные результаты лишь при скором и благоприятном завершении войны, на что и делали ставку правительство и органы самоуправления. В первые месяцы кампания сыграла роль мобилизующего фактора, однако затягивание войны, осложнение внешнеполитической и экономической ситуации, падение благосостояния страны свели на нет ее положительные результаты. Последствия кампании серьезнейшим образом сказались как на экономическом, так и на политическом положении империи и во многом предопределили дальнейшие революционные процессы.

Ключевые слова: антиалкогольная политика, Первая мировая война, «сухой закон», налоговая политика, столичные города, повседневность, казенная винная монополия, теневая экономика, тыл, социально-экономический кризис.

Annotation. The article presents a complex analysis of the anti-alcohol policy in the Russian state during the years of World War I. The author gives a general outline of the measures taken to combat alcoholism, analyses the goals of the anti-alcohol campaign and describes the reasons for its inefficiency and the consequences it had on the country. As well, the article states the justifications for the suspension of alcohol trade upon the entrance of the Russian empire into the war. Special attention is given to the social and economic consequences of so a radical move under the conditions of the prolonged and unprecedented in financial costs world war. The author comes to the conclusion that the anti-alcohol campaign could have given positive results only had the war ended quickly and favourably, which was the wager of the government and of the autonomous government bodies. During its first month the campaign played the role of a mobilising factor, however the extension of the war, complicated by the external political and economic situation, and the degradation of the country's well-being undid the initial positive results. The consequences from the campaign in a most serious manner affected the economic, as well as the political position of the empire and in many ways defined the future revolutionary processes.

Key words: anti-alcohol policy, World War I, "alcohol prohibition", fiscal policy, capital cities, daily life, state wine monopoly, shadow economy, home front, socio-economic crisis.

Вступление Российской империи в Первую мировую войну ознаменовало собой также и переход в наступление на врага внутреннего: с 17 июля 1914 г. – с началом мобилизации – была повсеместно прекращена торговля крепкими напитками, за исключением трактирных заведений первого разряда и буфетов при клубах и собраниях. Успех мобилизации актуализировал вопрос о распространении запрета на всю территорию империи и на все время войны. 22 августа по высочайшему повелению воспрещение прода-

жи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в империи было продолжено до окончания военного времени. Вследствие высочайше дарованного 13 октября 1914 г. права всем общественным учреждениям ходатайствовать о закрытии на подконтрольной им территории торговли не только крепкими, но и слабоалкогольными напитками во многих местностях империи, где было сильно влияние абстинентов, и прежде всего в Петрограде и Москве, к концу 1914 г. сложилась жесткая система антиалкогольных мер.

Так, антиалкогольные мероприятия военного времени, начавшиеся как временная мобилизационная мера, переросли в долговременную государственную политику, несмотря на то что к таким кардинальным переменам страна не была готова. Предвоенные дискуссии и законопроекты предполагали постепенное изменение фискальной политики в сторону снижения доли питейных поступлений, плавное реформирование законодательства по питейному делу, поэтапное ограничение торговли спиртным, государственную поддержку питейной промышленности в изменении ее специализации, целый ряд просветительских и пропагандистских мероприятий, призванных сформировать у населения отрицательное отношение к алкоголю и приучить к новым формам проведения досуга. Для достижения этих целей требовались время, стабильная экономика и слаженная работа всех ведомств, центральной власти и администраций на местах, что в условиях войны было невозможно. Однако, воодушевившись первыми «резвыми всходами», император при мощной поддержке абстинентных сил принял решение запустить процесс отрезвления страны. В качестве ключевых аргументов *pro* рассматривались необходимость иметь управляемое и трудоспособное население для достижения победы в войне, а также тот факт, что на фоне военных затрат дефицит, вызванный непоступлением «пьяных денег» в казну, будет не столь заметен, как в мирное время. Идеологически начало войны и патриотическая эйфория способствовали благоприятному проведению радикальных запретительных мер, т. к. воздержание органически связывалось с проявлением патриотизма, а пьянство было представлено как мощный союзник врага. В этом смысле начало войны действительно благоприятствовало проведению такой реформы: по сути своей она не могла не стать непопулярной мерой в обычных условиях, т. к. в той или иной мере ущемляла интересы каждого. Однако в условиях войны этот «социальный эксперимент» соответствовал риторике приоритета общих интересов над частными. Расчет при этом делался на недолгую победоносную войну. В действительности последствия такого решения оказались катастрофическими для страны.

Антиалкогольная политика в годы Первой мировой войны внесла свои коррективы во все сферы жизни империи – от повседневности городского обывателя до налогообложения и экономики в целом.

Население в большинстве своем довольно долго оставалось лояльным к антиалкогольной политике правительства. Однако затягивание войны приводило к все большему усилению тягот повседневной жизни, и постановления, ограничивающие – а в столицах фактически делающие невозможным – приобретение спиртосодержащих веществ, превращались в мощный фактор недовольства. Одновременно плохо налаженное и хаотичное антиалкогольное законодательство военных лет привело к тому, что питейная сфера переместилась в область теневой экономики. Антиалкогольная политика отчасти спровоцировала дороговизну и товарный дефицит, прогрессирующие в столицах с каждым военным годом. Все это приводило к обострению социально-политической обстановки.

Инициированные столичными самоуправлениями антиалкогольные постановления ущемляли не только и не столько материальные интересы торговцев и производителей, сколько вносили дискомфорт в повседневную жизнь потребителей, привыкших беспрепятственно удовлетворять потребность в спиртных напитках. Столичные жители скоро приспособились к существующим условиям и нашли способы обхождения «сухого закона». Непоследовательные, непродуманные, принятые в экстремальных условиях войны ограничительные меры и аналогичное исполнение представляли широкое поле для злоупотреблений и привели к тому, что практически весь оборот алкогольной продукции стал осуществляться преимущественно на черном рынке.

Обязательные постановления, действовавшие в столичных городах, предполагали наличие легальных путей для получения алкогольных напитков и спиртосодержащих веществ в условиях практически полного запрета на реализацию спиртосодержащих веществ для потребления внутрь. Чаще всего эти пути являлись и главными каналами утечки опьяняющих веществ на черный рынок.

Существовало несколько способов получить алкогольные напитки через государственные учреждения и представителей власти. Казенное вино выдавалось по особым разрешениям чинов полиции на свадьбы, похороны и другие бытовые события, разрешалась покупка вин «лицам, занимающим более видное положение в городе» [29, л. Зоб.], что не обходилось без злоупотреблений.

Разрешения на приобретение алкогольных напитков в столице выдавались также для посольств и отдельных членов дипломатического корпуса. По этим разрешениям, по свидетельству петроградского градоначальника, предъявлялись требования на такое количество крепких напитков, которое указывало на снабжение этими напитками не только своих сограждан, не числящихся при посольствах, но и на распространение их и между российскими подданными. К примеру, только накануне Пасхи в 1916 г. посольствами помимо казенных питей, полученных с разрешения управляющего акцизными сборами, было предъявлено в канцелярию градоначальника «требований на 8216 бутылок разных неказенных крепких напитков» [28, л. 26]. Кроме того, с декабря 1915 г. полицией выдавались разрешения на приобретение вин для личных надобностей французских граждан в неограниченном количестве. Такие послабления для граждан союзной державы привели к явным злоупотреблениям: при посредстве французов вина распространялись и среди русского населения столицы. Такой же привилегии стали добиваться и подданные союзной Великобритании, посол которой возбудил в апреле 1916 г. соответствующее ходатайство. Эта ситуация вызвала серьезные опасения столичных властей, т. к. при положительном разрешении вопроса того же вполне могли потребовать «все союзные и даже нейтральные страны, что почти равносильно полному уничтожению принятых <...> ограничительных мероприятий» [28, л. 26].

В столичных городах устанавливался особый порядок получения спиртосодержащих веществ для лечебных целей. Из аптек была разрешена продажа спиртосодержащих лекарственных средств, а также спирта, водки, коньяка, виноградных и фруктовых вин. Без рецепта разрешалось приобретать не более 15 граммов для приема внутрь и не более 30 граммов для наружного употребления. Однако уже в феврале–марте 1915 г. отпуск из аптек всех лекарственных препаратов на спирту без рецепта запрещался [30, л. 25]. По рецептам в одни руки можно было получить: винный спирт – не свыше 200 граммов, коньяк, ром, французскую водку – не свыше 150 граммов, или бутылки; крепкие виноградные вина – не свыше 400 граммов, или бутылки; легкие виноградные вина и шампанское – не свыше 1 бутылки [29, л. 33].

Аптеки закупали спиртосодержащие вещества для продажи по разрешениям Врачебного

управления. Необходимое каждой аптеке количество таких веществ определялось местными врачебными отделениями [11, л. 13]. Однако контролировать оборот аптек было фактически невозможно, по мере развития теневого бизнеса аптекари добивались разрешения на увеличение поставок. В итоге аптеки фактически производили бутылочную продажу водочных изделий по рецептам врачей. Появились неслыханные до войны очереди в аптеки. Оборот некоторых столичных аптек по продаже настоянных на спирту капель и разных видов одеколона достигал 500 и более рублей в день [12, л. 208]. Обязательное постановление петроградского градоначальника угрожало трехтысячным штрафом за массовый отпуск капель из аптек, но «элемент наказуемого был совершенно неуловим», а потому обойти его не составляло труда [18, л. 51].

Контроль над выдачей рецептов был также практически невозможен, и выявить злоупотребления среди огромного числа врачей в столице представлялось нереальным.

Между врачами и аптекарями зачастую складывалось взаимовыгодное сотрудничество – своеобразная система «откатов»: спирт и любые спиртосодержащие препараты можно было беспрепятственно приобрести в аптеке, если рецепт подписан «их» врачом, в то время как для остальных посетителей требуемых препаратов не было в наличии.

Огромные масштабы по всей империи приобрела фальсификация удостоверений докторов, разрешений Врачебного управления, рецептов и прочих документов, дающих право на приобретение спирта и крепких напитков. В условиях военного времени контролировать эту область было проблематично, особенно если речь шла о требованиях лазаретов, больниц и войсковых частей.

Отдельную проблему представляли производство и торговля парфюмерией и косметическими средствами. Наибольшей популярностью пользовался одеколон, в годы действия «сухого закона» интерес к этому продукту особенно возрос. В одной только Московской губернии в военное время спрос на одеколон увеличился на 50% [34, л. 108].

В первый год действия антиалкогольных постановлений торговля одеколоном в столичных городах производилась беспрепятственно. Из соображений выгоды многие парфюмерные заводы сделали упор на производство одеколона, значительно изменив его состав [29, л. 30б.].

К фальсификации одеколona приступили и аптеки, заменив фабричный одеколон «смесью собственного изготовления». Для пресечения производства суррогатов в сентябре 1915 г. вышло постановление, запрещавшее парфюмерным заводам выпускать одеколон крепостью ниже 80% и с содержанием эфирных масел менее 5% [40, л. 21].

Реализация одеколona также была поставлена под контроль: с сентября 1915 г. для его приобретения необходимо было получить особое разрешение местной полиции. Выдача таких разрешений производилась только благонадежным лицам после «наведения самых точных справок о занятиях лица, ходатайствующего о выдаче такого разрешения». Собирать эти сведения поручалось только классным чинам [38, л. 85].

В связи с катастрофическим распространением суррогатов, приготовленных из технического (денатурированного) спирта, лака, политуры, местные власти всячески пытались ужесточить процедуру получения этих веществ. С сентября 1915 г. продажа лака и политуры производилась по предъявлении покупателями промысловых свидетельств или удостоверений полиции, что данное лицо по роду своей профессии нуждается в покупке этих веществ.

На приобретение денатурата обывателям выдавались талонные книжки «по предъявлении покупателем из участкового полицейского управления уведомления о том, что к выдаче данному лицу талонной книжки препятствий нет» [27, 6]. По свидетельству Департамента полиции, талонные книжки с печатями и подписью чинов акцизного надзора подделывались, как и полицейские удостоверения на их получение [29, л. 85]. Реально контролировать торговлю денатуратом было практически невозможно: при дефиците и дороговизне дров, которые испытывал город, технический спирт был самым популярным средством отопления, освещения, приготовления пищи в среде малоимущих обывателей.

Производство суррогатов из лака, денатурата, политуры и прочего чаще всего осуществлялось в небольших объемах в домашних условиях. Но существовали и целые лаборатории: только за сентябрь 1914 – февраль 1915 гг. было обнаружено по стране: «1 825 тайных заводов, занимающихся производством особенного сорта – водки «кумушки» (кумушка, или кумышка, – хмельной напиток домашнего приготовления, перегонная брага. – О. Ч.); 160 винокурных за-

водов, оборудованных по всем правилам современной техники; 72 тайных завода, специально занимающихся очисткой политуры и лака, и 60 – очисткой денатурата от всех вредных примесей» [45, 4].

Отчеты Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей за 1911–1914 гг. и предварительные сведения за 1915 г. дают представление об увеличении правонарушений такого рода [39, л. 282–283].

Сведения о количестве обнаруженных случаев тайного винокурения и варения кумышки (здесь имеется в виду самогонварение вообще. – О. Ч.)

Категории нарушений	1911	1912	1913	1914	1915
Винокурение на тайно устроенных заводах	364	281	366	628	4 036
Тайное варение кумышки	3 820	3 758	5 903	6 758	9 834

Сведения о количестве обнаруженных случаев прочих нарушений Устава об акцизных сборах, кроме тайного винокурения и варения кумышки

Категории нарушений	1911	1912	1913	1914	1915
Беспатентная продажа	10 428	9 672	10 737	11 906	7 232
Контрабанда	430	960	303	446	1 121
Прочие нарушения	27 614	29 307	31 490	33 977	19 697

Заводское тайное винокурение получило колоссальный размах и по сравнению с довоенными годами увеличилось в конце 1914–1915 гг. более чем в 10 раз, домашнее винокурение – примерно вдвое. Контрабанда также набирала обороты, а беспатентная торговля и прочие нарушения Устава об акцизных сборах значительно уменьшились, что было ожидаемо из-за изъятия основного объема алкогольной продукции из продажи.

На окраинах и в местах скопления беднейшего населения особенно распространились самостоятельная примитивная выработка и потребление опасных для здоровья суррогатов.

Обеспеченные столичные жители в большинстве своем не почувствовали серьезного дискомфорта от действия антиалкогольных постановлений. Ассортимент алкогольных напитков на черном рынке удовлетворял самый взыскательный вкус. В ресторанах распивочно подавали спиртные напитки под видом безалкогольных

питей. На фоне серьезного удорожания всех продуктов и услуг цены на алкогольные напитки на черном рынке не казались несоразмерными.

По свидетельству современников, запрет на спиртные напитки отразился прежде всего на внешней стороне жизни: «Исчезли знакомые картины уличного пьянства <...> общий тон уличной жизни стал сразу совсем иной» [5, 4]. Вскоре заговорили и о резком падении преступности в результате «отрезвления». Некоторые губернаторы сразу после прекращения продажи водки указывали на сильное уменьшение хулиганства, нарушений общественной тишины и порядка и посягательств на личность. Единогласно отмечалось почти полное исчезновение хулиганства, которое в последние довоенные годы принимало настолько грозные размеры, что требовало специальных мер борьбы и особых законодательных мероприятий. По Петрограду с 18 июля по 1 августа было зафиксировано всего два административных взыскания «за озорство» [4, 2580–2581]. Наряду с уменьшением хулиганства стремительно сокращалось число случаев нарушения общественной тишины: так, в июне 1914 г. были задержаны 995 человек, в июле – 563, при этом существенное сокращение начинается со дня мобилизации. В августе зафиксировано лишь 19 задержаний за нарушения общественной тишины [3, 2581]. Произошло также резкое уменьшение преступлений против личности, собственности и порядка, а также проституции, профессионального нищенства и бродяжничества [5, 12]. Особенно заметным явлением было значительное сокращение нищенства, которое наблюдалось в столицах. Так, в Петрограде за январь–март 1915 г. в распоряжение Особого присутствия по разбору и призрению нищих поступили всего 944 мужчины, тогда как за тот же период 1914 г. этот показатель составлял 4 161 человека [24, 30]. Столичный комитет Москвы по разбору и призрению нищих также констатировал почти полное исчезновение профессионального нищенства. Население Хитрова рынка в Москве к 1 июля равнялось 9 405 человекам, а к 1 октября – только 2 200 человек, из них половина состояла из женщин и больных старше 40 лет. Прежнее население Хитрова рынка частично было взято на войну, но в большинстве своем отрезвело и ушло в деревню [5, 11]. Ликвидация нищенства, которую констатировали в начале 1916 г. в столицах, связывалась со сложившимися условиями: «Многие из здоровых и молодых нищих, симулировавших калек и

убогих, ввиду приличных условий оплаты физического труда нашли для себя более выгодным поступить на места, чем заниматься выпрашиванием милостыни» [15, 291].

Согласно сведениям, полученным от местного прокурорского надзора и сыскной полиции по городу Москве, число преступлений всех категорий серьезно сократилось, например [19, 6]:

За нанесение телесных повреждений, более или менее тяжких, привлечено:		
Месяц	1913 г.	1914 г.
Июль	123	121
Август	147	68
Сентябрь	107	42
Октябрь	117	60
Ноябрь	124	30
Декабрь	95	38
За оскорбление в нетрезвом виде чинов полиции привлечено:		
Июль	206	148
Август	215	72
Сентябрь	217	90
Октябрь	196	109
Ноябрь	202	55
Декабрь	186	57

Кроме того, число мелких краж понизилось до 40% [5, 11]. Число уголовных дел у мировых судей в Петрограде упало за первый трезвый месяц на 80%, в результате одна из больших петроградских тюрем пустовала, а другая была обращена в лазарет для раненых [19, 6].

Резкое падение преступности в столицах было обусловлено несколькими факторами. Большую роль действительно сыграла антиалкогольная политика властей. Так, из 10 тысяч дел окружного суда Петрограда за 1883–1898 гг. более 40% было совершено в состоянии алкогольного опьянения, а в отдельных видах преступлений и больше: против чести и целомудрия женщины – 62%, за религиозные преступления – 60,5%, за телесные повреждения – 53,5%, за личные оскорбления – 48,2% [19, 6]. Согласно подсчетам юриста Я. Бермана с началом мобилизации соответственно уменьшению потребления спиртных напитков сокращалось и число преступлений такого порядка [3, 2583].

Петроградский и Московский окружные суды констатировали резкое уменьшение числа уголовных дел. Одной из главных причин этой тенденции судебные следователи считали прекращение продажи спиртных напитков [5, 18].

Такая точка зрения, однако, не вполне объективно отражает ситуацию. Прежде всего

мобилизация сократила число потенциальных правонарушителей: значительная часть взрослого мужского населения была призвана, резко возрос спрос на рабочие руки в связи с войной, была налажена система государственной и муниципальной помощи семьям воинов и прочее. Страну кроме трезвости «захватили два факта: вначале мобилизация, вырвавшая из числа мирного населения миллионную массу, и затем начавшиеся военные действия, психологически отвлекшие внимание общества и народа от внутренних обыденных интересов личной жизни» [3, 2581]. Эти факторы оказали влияние на положение преступности. Мобилизация «фактически уменьшила число лиц, могущих совершать уголовно наказуемые проступки» [3, 2581]. А война объединила большую часть населения «одной великой и идейной мечтой, одним интересом защиты родины <...> на время облагородила сознание людей, дала более возвышенное оправдание своего существования» [3, 2581]. Дальнейшие события показали, что «отрезвление» действительно было лишь косвенным фактором, влияющим на преступность, и с изменением общественных настроений и дестабилизацией экономической жизни преступность вновь набрала обороты, а фактор «отрезвления» сыграл диаметрально противоположную роль: вынужденная трезвость сама по себе породила новые виды преступности. Уже в начале 1916 г. появляются тревожные сообщения о возросшей преступности в столицах. По сведениям, представленным в Министерство юстиции судебными следователями Петрограда и Москвы, за декабрь 1915 – январь 1916 г. в обеих столицах наблюдалось повышение уровня преступности. Особенно усилилось количество краж, преступлений против нравственности, «оскорблений женской стыдливости» и прочих подобных преступлений [47, 236], не говоря уже о нарушениях в области питейного дела, которые росли в геометрической прогрессии. Интересен конфессиональный состав правонарушителей в этой области: согласно отчету Главного управления среди совершивших такие правонарушения в 1914 г. 104 736 – христиане, 8 535 – евреи, 2 950 – прочие (абсолютные цифры правонарушений и правонарушителей в самом отчете не совпадают, однако имеющиеся данные позволяют обрисовать картину в целом). Таким образом, существующее в то время представление, что евреи были главными врагами трезвости и спаивали христианское население, не

имеет под собой оснований. Сословный состав правонарушителей в 1914 г. в империи выглядел следующим образом: из общего числа 226 221 – 94 842 крестьянина, 16 839 мещан, 4 540 прочих. Крестьяне продолжали оставаться главной категорией нарушителей «сухого закона» и в дальнейшем. В основном ими совершались мелкие правонарушения: появление в нетрезвом виде в публичных местах, продажа денатурата, политуры и суррогатов спирта «для неустановленного потребления», продажа и распитие «вещества, содержащего алкоголь и для питья не предназначенного» [36, л. 134–135; 37, л. 540, 567, 634].

По официальным заявлениям, антиалкогольные постановления значительно улучшили повседневную жизнь российских обывателей. Миллионы рублей остались «не пропитыми», а значит, пошли на удовлетворение иных потребностей: на улучшение питания, условий быта, на появление сбережений. Однако официальная точка зрения о том, что «отрезвление» положительно сказалось на материальном положении большинства населения, при ближайшем рассмотрении не выдерживает критики. Уже осенью 1914 г. Я. Берман писал: «Абсолютное большинство имущественно не обеспеченных бедно не потому, что оно пьет, а потому, что силой социального устройства оно осталось за бортом жизни, было обойдено им» [4, 2794]. «Отрезвление» российского бюджета болезненно сказалось на общем уровне благосостояния населения.

Прекращение действия винной монополии серьезнейшим образом отразилось на российской экономике и финансах. Вследствие изъятия этой статьи дохода образовался чудовищный дефицит бюджета, в результате в условиях затяжной войны финансовое положение страны катастрофически расшаталось.

Российский бюджет с 1894 г. был разделен на обыкновенный и чрезвычайный. Чрезвычайный бюджет состоял из средств, получаемых по займам и от некоторых других непостоянных источников, его расходы шли на военные нужды и железнодорожное строительство. Основные доходы в обыкновенный бюджет давали винная монополия и косвенные налоги – около 70% в разные годы. Так, в предвоенном 1913 г. потребление вина (т. е. казенная винная операция и сборы с питей) принесло в бюджет 930 млн рублей – 27,9% от всех поступлений [9, 5–6]. Таким образом, с повсеместным запрещением продажи крепких напитков обыкновенный бюджет потерял существенный источник пополнения.

Сведения о поступлении дохода от казенной продажи питей только за вторую половину 1914 г. дают представление о резком падении бюджетных поступлений от казенной винной операции в сравнении с предыдущим периодом (в тыс. руб.) [10, л. 5]:

Месяц	1913 г.	1914 г.	Против 1913 г.
Июль	69 959	53 868	-16 091
Август	67 564	11 484	-56 080
Сентябрь	74 954	4 888	-70 066
Октябрь	83 240	1 799	-81 441
Ноябрь	82 923	1 536	-81 387
Декабрь	77 191	2 570	-74 621

Динамика сокращения поступлений прослеживается далее при сравнении поступлений в первые месяцы 1914 и 1915 гг. – до и после введения «сухого закона» [10, л. 32]:

Месяц	1914 г.	1915 г.	Против 1914 г.
Январь	79 134	1 540	-77 594
Февраль	78 365	1 373	-76 992
Март	55 209	1 750	-53 459
Апрель	68 224	1 406	-66 818

Помимо запретительных мер к понижению доходов привело и то, что некоторые организации покупали у казны спирт для лечебных целей по льготной цене. К примеру, Российское общество Красного Креста платило за спирт по 3,5 копейки за градус вместо обычных 15–22 копеек [25, 36].

В мирное время рост доходов обыкновенного бюджета достигался за счет повышения отдельных видов налогов, цен на акцизные товары, железнодорожные тарифы, судебные и канцелярские сборы, акциза с табака и налога с городских имуществ. Увеличение доходов также шло за счет естественного увеличения числа налогоплательщиков. Столь серьезный шаг, как отказ от прибыли винной монополии, требовал кардинального пересмотра всей налоговой политики, однако в условиях войны это было невозможно, поэтому «залатывать» дыру в бюджете пришлось имеющимися средствами – повышением старых и изысканием новых налогов.

За время войны практически все косвенные и прямые налоги были существенно повышены. Были введены чрезвычайные налоги: военный, подоходный налог и налог на прирост прибылей [46, 189]. Повышение налогов затронуло все стороны жизни городского населения, акцизы постоянно росли, что не в последнюю очередь

стало причиной дороговизны. Указанные меры сильно отразились на покупательной способности и настроениях большинства городского населения, а покрыть дефицит, образовавшийся в обыкновенном бюджете в результате сокращения поступлений от казенной винной операции, не могли.

Значительно уменьшилось и число налогоплательщиков в связи с призывом в армию, с получением налоговых льгот семьями призывников, а также в результате захвата неприятелем некоторых губерний в ходе войны [25, 36].

Помимо сокращения доходов от казенной продажи вина вследствие антиалкогольных постановлений произошло также объективное сокращение доходов других казенных предприятий, вызванное потребностями военного времени. В частности, в условиях войны большая часть коммерческих перевозок заменялась бесплатными воинскими перевозками [25, 36], значительно ослабли и таможенные поступления в связи с сокращением внешней торговли, почтово-телеграфные учреждения были заняты в основном бесплатными отправлениями в действующую армию. В итоге сокращения только по трем основным источникам доходов – от казенной винной операции, от эксплуатации железных дорог и таможенных сборов – составили 524 млн рублей [46, 188]. Повышение ставок налогов в 1914 г. наряду с сокращением разрешенных по росписям 1914 г. и прежних лет расходов путем отсрочки или полной отмены некоторых назначений дали свой результат только в 1915 г. и составили 423 млн рублей [9, 17], что не могло возместить сокращение поступлений от казенной продажи винной операции даже за один 1915 г.: поступления сократились на 473,2 млн рублей и составили всего 30,7 млн рублей против 503,9 млн в 1914 г. [9, 17]. В 1916 г. новыми налогами удалось увеличить доходы казны более чем на 1 млрд (1 052 млн), но эти средства пошли на уплату процентов по долгам за войну и на покрытие недобора по доходам казны из-за отмены винной монополии [44, 5]. К тому же инфляция существенно понижала значение этих поступлений.

Надежды добиться при помощи усиленного налогообложения довоенного уровня обыкновенных поступлений не оправдались. Таким образом, антиалкогольное постановление императора – весьма разумная мера, «составившая величайшее благо для страны», – крайне осложнило финансовую сторону дела. Закрытие вин-

ной монополии лишило государство, по подсчетам финансового эксперта А. И. Шингарева, в среднем 800 млн рублей в год и за время войны «выбросило» 2,5 млрд рублей из обыкновенного бюджета [49, 5]. Новые поступления от налоговых источников едва покрывали дефицит, который образовался в мирном бюджете от запрещения продажи водки и от наступившего в связи с войной сокращения таможенного и других доходов – из этих поступлений ничего не оставалось для покрытия экстренных расходов, вызванных войной [17, 28]. Всего за 1914–1918 гг., согласно подсчетам исследователей, расходы выразились в сумме 62 129 млн рублей, а доходы – 15 346 млн рублей; огромный дефицит в 46 783 млн рублей почти совпадал с суммой военных расходов [46, 191]. Поэтому экстраординарные военные расходы пришлось покрывать кредитными операциями. Эмиссия бумажных денежных знаков к началу Февральской революции покрывала около трети (34%) военных расходов [13, 263].

Накануне войны Государственный банк имел право выпускать не покрытые золотом билеты на сумму до 300 млн рублей [17, 12]. Накопленная В. Н. Коковцовым золотая наличность казны составляла на январь 1914 г. 1 528 млн рублей, а общая сумма кредитных билетов в обращении на 1 июля 1914 г. равнялась 1 630,4 млн рублей. После начала войны и вынужденной усиленной эмиссии на 1 марта 1915 г. сумма кредитных билетов составила 3 151,5 млн, т. е. выросла почти вдвое [2, 238]. В течение 1916 г. Государственный банк выпустил кредитных билетов на сумму 3 486,6 млн рублей, и к 1 января 1917 г. их сумма в обращении достигла 9 103,4 млн рублей. К марту 1917 г. их количество составило 9 975 млн рублей. При этом размен кредитных билетов на золото после начала войны был прекращен [13, 263]. Количество кредитных билетов в обращении накануне Февральской революции увеличилось по сравнению с довоенным периодом в шесть раз, а вся денежная масса (включая золото и серебро) – в четыре раза [42, 144–145], что вызывало серьезные опасения в стабильности рубля после окончания войны.

Опасение переполнить рынок бумажно-денежными знаками побудило финансовое ведомство искать иные пути финансирования войны. Тогда было применено размещение краткосрочных обязательств на открытом рынке [25, 161]. Правительство уделяло много внимания тому, чтобы население вкладывало деньги в военные займы, велась активная пропаганда в прессе.

Внутренние займы 1914 и 1915 гг. размещались через банковские учреждения, сберегательные кассы, учреждения мелкого кредита и казначейства [25, 161]. Население неохотно расставалось со своими сбережениями, и в Государственный банк в качестве вкладов возвращалась лишь малая часть выпущенных для военных нужд денежных знаков.

Современники оптимистически объясняли сокращение притока денег в Государственный банк отменой винной монополии: «Суммы эти ныне остаются среди народонаселения, и так как большинство покупателей вина принадлежали к тем классам, кои не имеют дела с банками и живут в деревнях, вдали даже от сберегательных касс, то, естественно, значительная часть образующихся этим путем сбережений не возвращается в правительственные кассы» [2, 238]. Интерес населения к сберегательным кассам с началом войны в целом все же возрос. В отличие от других воюющих стран, где, напротив, произошел отток вкладов, в России уже с августа наблюдался ежемесячный прирост. Это также воспринималось как однозначное доказательство позитивного влияния запрета продажи крепких напитков на благосостояние населения. «Народ протрезвел и стал накапливать наличность, которая прежде оставалась в казенных винных лавках <...> общая сумма денежных вкладов к 1 июля 1915 г. составила 2 134,7 млн рублей, а до тех пор не достигала прежде и миллиарда» [24, 35]. К 1 января 1917 г. вклады в сберегательных кассах составили уже 6 904,8 млн рублей [42, 168]. С 1 июля 1914 г. по 1 октября 1917 г. общее число сберегательных касс различных типов увеличилось с 8 784 до 15 202, т. е. почти в два раза [2, 253–254, 595]. Основными вкладчиками стали сельские жители, что объясняет резкое возрастание вкладов после запрещения продажи спиртных напитков и начала выплаты пособий семьям солдат, основную массу которых составляли крестьяне. Но преимущественная часть накоплений оседала среди населения. Оседание миллиардов денежных знаков вынуждало государство вновь производить эмиссию, что неизбежно влекло за собой обесценивание денег и инфляцию, рост товарных цен. Реальная покупательная способность рубля к 1917 г. упала вчетверо (до 27 копеек) по отношению к довоенному уровню, в то время как рост индекса цен в семь раз превысил уровень 1914 г. [13, 263].

Война и связанная с ней антиалкогольная и налоговая политика государства оказывали не-

одинаковое влияние на жизнь различных слоев общества. В целом экономическое положение населения значительно ухудшилось, однако наиболее неблагоприятная ситуация сложилась именно в городах, в столицах, в крупных фабрично-заводских центрах. С началом войны современники отмечали повышение производительности труда, улучшение качества работы, отсутствие прогулов [24, 16]. «Рабочие признают единогласно, что воспрещение продажи напитков повысило их заработки и улучшило бюджеты. Констатируется уменьшение несчастных случаев во время работ», – утверждали в конце августа 1914 г. «Петроградские ведомости» [32]. Однако с течением времени картина существенно менялась. С начала войны и до середины 1916 г. рост денежной массы происходил быстрее роста цен, а со второй половины 1916 г. рост цен начал обгонять рост денег в обращении. К 1 января 1917 г. этот разрыв был значителен и приводил к противоречию между денежным выражением зарплаты и реальным уровнем жизни рабочих, который неуклонно снижался. К концу 1916 г. цены поднялись в 3–4 раза, а в 1917 г. – в 7–12 раз [42, 148].

Еще хуже в городах было положение семей, чьи кормильцы ушли на войну. Пособий, выплачиваемых государством, не хватало, т. к. в отличие от деревни они шли не только на продовольствие, но и на наем квартиры, покупку топлива, одежды и прочего. При этом благосостояние крестьян, особенно хлебородных губерний, по утверждению исследователей, в годы войны, напротив, улучшилось – за счет прекращения (или, во всяком случае, сокращения) пьянства и падения производства мирной продукции, что влекло за собой оседание и накопление нереализованных средств [8, 43–45]. Именно в руках крестьян концентрировалась основная денежная масса.

Дороговизна, спекуляция, нехватка продовольствия в городах, значительное ухудшение бытовых условий, постоянный рост цен на товары и услуги, в т. ч. и на продукты первой необходимости, общее ухудшение условий повседневной жизни неизбежно вызывали недовольство городского населения. Рост заработной платы отставал от роста цен, рубль обесценивался, с каждым месяцем войны положение ухудшалось.

В больших городах, а тем более в столицах, разница в благосостоянии чувствовалась, как нигде. Пропасть между высшим классом и простыми обывателями становилась разительнее

с каждым годом войны. Вынужденные ограничения в потреблении малоимущих горожан, интенсификация их труда не сопровождались ограничением в потреблении властью имущими и состоятельными горожанами. Прежде всего это касалось предметов первой необходимости, но алкогольный фактор был в какой-то степени показателем: «верхи» по-прежнему могли беспрепятственно получать запрещенные и дорогостоящие алкогольные напитки, словно высочайшее повеление императора и постановления городских властей на них не распространялись.

Если расчет на кратковременную войну способствовал отказу от прежних социальных претензий и счетов к властям, то затягивание войны с ее особым режимом напряженности и лишений вызывало физическую и психологическую усталость, усиление внимания к соблюдению справедливости, которое одно было способно оправдать растущие жертвы и лишения [35, 144].

Трудно определить рубеж, отделяющий национально-патриотический подъем, лояльное отношение обывателей к новым условиям повседневной жизни, в т. ч. и вынужденной трезвости, от раздражения и недовольства из-за развившегося пьянства и разросшегося черного рынка. Определенным образом, конечно же, на внутреннюю ситуацию влияли внешнеполитические факторы: война, лишенная достаточных целей и все более отягощавшая повседневную жизнь, затягивалась, удачи на фронтах сменялись поражениями – все это вызывало раздражение. Армия требовала новых ресурсов, и на плечи населения ложились новые налоговые обязательства, цены возрастали из-за увеличения ставок акцизов. Все это привело к смене настроений, к актуализации в сознании большинства представления о несправедливости их социального и политического положения [35, 152, 167]. Среди жителей столиц такие умонастроения стали преобладать примерно к осени 1915 г., что сопровождалось ростом нарушений обязательных постановлений, регулирующих питейное производство, торговлю и потребление, широчайшим развитием черного рынка, усилением публичного пьянства. По мере усугубления кризисной ситуации, внешне- и внутриполитической, эти тенденции получили широчайшее развитие, и озлобленность и недовольство фактически полностью подменили собой бывшие патриотические чувства. Настроения общества вызывали опасения в высших кругах

государственной власти. «Опасность в том, что что-то случилось с Россией, что в чем-то переменялся ее дух, – констатировал 3 ноября 1916 г. на заседании Государственной думы В. А. Маклаков, – что начались какие-то другие течения, и эти течения мы уже видим. Мы видим, что одни уже осмеливаются говорить о мире, другие в отчаянии от того, что их надежды обмануты, возвращаются к старому, прежнему лозунгу, ввиду неприятеля говорят уже: чем хуже, тем лучше, все будет лучше той гнили, которую мы сейчас переживаем. Пусть будет, что будет. Пусть будет катастрофа, она все-таки куда-то нас приведет. И мы видим и третьих, которые уходят домой, запирают амбары, замыкаются в кругу личных своих интересов, наживаются, веселятся и спекулируют» [6, 63–64].

К концу 1916 г. нелегальная торговля спиртом и его суррогатами получила столь широкое распространение, что иллюзорность «всеобщей трезвости» в столицах была так же очевидна, как и иллюзорность победы в войне и безболезненного выхода из внутривосточного кризиса. Незаконное производство, продажа и потребление алкогольных напитков нарастали из месяца в месяц. Показательно, что уже в 1915 г. огромные масштабы приобрело самогонование – даже в городе. По подсчетам исследователей, в Москве в это время ежемесячно составлялось от 500 до 600 протоколов за самогонование [26, 71]. Но именно в 1916 г. произошло резкое увеличение городской преступности за счет дельцов черного рынка – уголовная полиция накануне революции занималась преимущественно борьбой с подпольным изготовлением и торговлей спиртными напитками [20, 370].

К 1917 г. пьянство набрало катастрофические обороты, что в значительной степени определило дальнейший ход событий. Раздражение, связанное с затянувшейся неудачной войной и вызванными ею лишениями, неудовлетворение внутренней политикой императора и правительства, расплывавшиеся по империи слухи о предательстве императрицы-немки, о неспособности, сла-

бости царя, слухи о его пристрастии к спиртному («Мы пьем холодную воду, а Николай – вино!» [50, 151] – возмущались обыватели) – все эти тревожные явления конца 1916 – начала 1917 гг. способствовали усугублению социального кризиса. Озлобленные массы включались в революционную борьбу, в процессе беспорядков попутно громя винные склады и казенные лавки.

С началом революционных волнений по всей России проявилась серьезнейшая проблема, вызванная антиалкогольной политикой Николая II, на которую, впрочем, не раз указывали местные органы власти. «Сухой закон» привел к тому, что на казенных и частных винных складах, спиртоочистительных и винокурных заводах скопилось колоссальное количество спирта и в революционные месяцы эти спиртохранилища превратились в «пороховой погреб» империи: революционные события сопровождалась погромами и хищениями запасов нереализованного спирта и разгульно-бунтарским пьянством.

Таким образом, начало войны и охватившая страну патриотическая эйфория послужили толчком для принятия долгосрочных антиалкогольных постановлений, расчет при этом делался на то, что добиться победы над зеленым змием будет проще после триумфальной победы над врагом. В первые месяцы войны антиалкогольная кампания сыграла роль мобилизующего фактора, действовавшего на фоне общего патриотического подъема. Затягивание войны, лишенная целей, осложнение внешнеполитической и экономической ситуации, удорожание и ухудшение повседневной жизни привели к смене общественных настроений, в результате чего антиалкогольные меры фактически перестали действовать, вызывая лишь недовольство и раздражение населения. Таким образом, серьезный риск, на который пошло правительство ради «отрезвления», не был оправдан, а последствия антиалкогольной политики катастрофическим образом сказались как на экономическом, так и на внутривосточном положении империи, что во многом предопределило дальнейшие события.

Библиография:

1. Аксенов В. Б. «Сухой закон» 1914 г: от придворной интриги до революции // Российская история. 2011. № 4. С. 126–139.
2. Беляев С. Г. П. Л. Барк и финансовая политика России 1914–1917. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. 620 с.
3. Берман Я. Пьянство и преступность // Право. 1914. № 37. С. 2578–2588.
4. Берман Я. Пьянство и преступность (окончание) // Право. 1914. № 41. С. 2782–2794.
5. Введенский И. Н. Опыт принудительной трезвости. М.: Издание Московского столичного попечительства о народной трезвости, 1915. 24 с.

6. Государственная дума 1906–1917. Стенографические отчеты Т. 4. М.: Правовая культура, 1995. 368 с.
7. Государственный совет. Стенографические отчеты. СПб. [Пг.]: Государственная типография, 1906–1916.
8. Данилов Н. А. Влияние великой мировой войны на экономическое положение России. Пг.: ГИЗ, 1922. 93 с.
9. Деметьев Г. Д. Государственные доходы и расходы России и положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г. Пг.: Типография редакции периодических изданий Министерства финансов, 1917. 54 с.
10. Доклады министра финансов Николаю II по делам Главного управления за 1915 г. // РГИА. Ф. 575. Оп. 6. Д. 21.
11. Журнал заседания медицинского совета // ГАРФ. Ф. 102. Делопроизводство 2. Оп. 75. 1916 г. Д. 83.
12. Заседание Петроградской городской управы // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 1. Д. 517.
13. Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацлло М. К. История налогов в России. IX – начало XX в. М.: РОССПЭН, 2006. 294 с.
14. История министерства финансов. 1903–1917. Т. 1. М.: Инфра-М, 2002. 444 с.
15. Исчезновение профессионального нищенства // Вестник полиции. 1916. № 10. С. 292.
16. Канищев В., Протасов Л. «Допьем романовские остатки!» Пьяные погромы в 1917 году // Родина. 1997. № 8. С. 62–65.
17. Канцеленбаум З. С. Война и финансово-экономическое положение России. М.: Типолиотография Товарищества печатного и издательского дела, 1917. 260 с.
18. Копии резолюций Петроградской городской думы // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 1. Д. 522.
19. Криминогенное значение алкоголизма // Вестник полиции. 1916. № 1. С. 6–7.
20. Курукин И. В., Никулина Е. А. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М.: Молодая гвардия, 2007. 519 с.
21. Левин С. М. Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т. 1–2. Пг., 1915–1916.
22. Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война (Материалы международного colloquium). СПб., 1999. С. 151–155.
23. Марченя П. П. Пьяные погромы и борьба за власть в 1917 г. // Новый исторический вестник. 2008. № 1 (17). С. 84–95.
24. Мендельсон А. Л. Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства. Пг.: Государственная типография, 1916. 54 с.
25. Михайлов И. А. Государственные доходы и расходы России во время войны. Пг., 1917. 216 с.
26. Николаев А. В. Антиалкогольные кампании во время Первой мировой войны // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Серия «История». Вып. VI. Тольятти, 2004. С. 60–72.
27. Новый порядок продажи денатурированного спирта // Вестник полиции. 1915. № 36. С. 6.
28. О желательности разрешения продажи легких виноградных вин // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 12. Д. 1696.
29. О мероприятиях против тайной торговли крепкими напитками // ГАРФ. Ф. 102. Делопроизводство 2. Оп. 73. 1915 г. Д. 9 «А».
30. Об издании обязательных постановлений по Петроградской губернии // ГАРФ. Ф. 102. Делопроизводство 2. Оп. 74. 1916 г. Д. 9. Ч. 44 «I».
31. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917. М.: РОССПЭН, 2000–2009.
32. Петроградские ведомости. 1914. № 188.
33. Познышев С. В. Алкоголизм как фактор преступности. М.: Печатня А. Снегиревой, 1915. 93 с.
34. По проекту обязательного постановления о воспрещении изготовления, приобретения и продажи напитков, содержащих спирт, и о порядке продажи денатурированного спирта и других спиртных изделий // ГАРФ. Ф. 102. Делопроизводство 2. Оп. 72. 1914 г. Д. 14. Ч. 9.
35. Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.
36. Приложения к приказу по Петроградскому градоначальству и столичной полиции... // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 12. Д. 1016.
37. Приказы по петербургскому градоначальству и столичной полиции за 1916 г. // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 95.
38. Руководство по питейной части // ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 93. Д. 2.
39. С материалами Особого совещания, образованного для выработки законопроекта по укреплению народной трезвости // РГИА. Ф. 1242. Оп. 1. Д. 10.
40. С обязательными постановлениями по гор. Москве (Московское градоначальство) // ГАРФ. Ф. 102. Делопроизводство 2. Оп. 73. 1915 г. Д. 9. Ч. 23. Т. II.
41. Свод законов Российской империи: сводный текст за 1832–1917 годы. СПб.: Аврора, 2007.
42. Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Издательство АН СССР, 1960. 472 с.
43. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1 отдел. 1914. СПб., 1914.
44. Сколько расходуется Россией на войну и откуда получаются эти деньги. Пг.: Типография «Копейка», 1917. 8 с.
45. Статистика тайного винокурения // Вестник полиции. 1915. № 10. С. 4.
46. Толокушкин А. В. История налогов в России. М.: Юристъ, 2001. 432 с.
47. Усиление преступности // Вестник полиции. 1916. № 8. С. 236.
48. Шепилов Д. Алкоголизм и преступность. М.: Издательство Института по изучению преступности и преступника, 1930. 104 с.
49. Шингарев А. И. Финансовое положение России. Пг.: Синодальная типография, 1917. 32 с.
50. Herlihy P. The Alcoholic Empire. Vodka and Politics in late Imperial Russia. Oxford: University Press, 2002. 244 p.

References (transliterated):

1. Aksenov V. B. «Sukhoi zakon» 1914 g: ot pridvornoj intrigi do revolyutsii // Rossiiskaya istoriya. 2011. № 4. S. 126–139.
2. Belyaev S. G. P. L. Bark i finansovaya politika Rossii 1914–1917. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2002. 620 s.

3. Berman Ya. P'yanstvo i prestupnost' // Pravo. 1914. № 37. S. 2578–2588.
4. Berman Ya. P'yanstvo i prestupnost' (okonchanie) // Pravo. 1914. № 41. S. 2782–2794.
5. Vvedenskii I. N. Opyt prinuditel'noi trezvosti. M.: Izdanie Moskovskogo stolichnogo popечitel'stva o narodnoi trezvosti, 1915. 24 s.
6. Gosudarstvennaya дума 1906–1917. Stenograficheskie otchety T. 4. M.: Pravovaya kul'tura, 1995. 368 s.
7. Gosudarstvennyi sovet. Stenograficheskie otchety. SPb. [Pg.]: Gosudarstvennaya tipografiya, 1906–1916.
8. Danilov N. A. Vliyanie velikoi mirovoi voyny na ekonomicheskoe polozhenie Rossii. Pg.: GIZ, 1922. 93 s.
9. Dement'ev G. D. Gosudarstvennye dokhody i rashody Rossii i polozhenie gosudarstvennogo kaznacheistva za vremya voyny s Germaniei i Avstro-Vengriie do kontsa 1917 g. Pg.: Tipografiya redaktsii periodicheskikh izdaniy Ministerstva finansov, 1917. 54 s.
10. Doklady ministra finansov Nikolayu II po delam Glavnogo upravleniya za 1915 g. // RGIA. F. 575. Op. 6. D. 21.
11. Zhurnal zasedaniya meditsinskogo soveta // GARF. F. 102. Deloproizvodstvo 2. Op. 75. 1916 g. D. 83.
12. Zasedanie Petrogradskoi gorodskoi upravly // TsGIA SPb. F. 513. Op. 1. D. 517.
13. Zakharov V. N., Petrov Yu. A., Shatsillo M. K. Istoriya nalogov v Rossii. IX – nachalo XX v. M.: ROSSPEN, 2006. 294 s.
14. Istoriya ministerstva finansov. 1903–1917. T. 1. M.: Infra-M, 2002. 444 s.
15. Ischeznovenie professional'nogo nishchenstva // Vestnik politsii. 1916. № 10. S. 292.
16. Kanishchev V., Protasov L. «Dop'em romanovskie ostatki!» P'yanye pogromy v 1917 godu // Rodina. 1997. № 8. S. 62–65.
17. Kantselenbaum Z. S. Voyna i finansovo-ekonomicheskoe polozhenie Rossii. M.: Tipolitografiya Tovarishchestva pechatnogo i izdatel'skogo dela, 1917. 260 s.
18. Kopii rezolyutsii Petrogradskoi gorodskoi dumy // TsGIA SPb. F. 513. Op. 1. D. 522.
19. Kriminogennoe znachenie alkogolizma // Vestnik politsii. 1916. № 1. S. 6–7.
20. Kurukin I. V., Nikulina E. A. Povsednevnyaya zhizn' russkogo kabaka ot Ivana Groznogo do Borisa El'tsina. M.: Molodaya gvardiya, 2007. 519 s.
21. Levin S. M. Vazhneishie zakony, ukazy i rasporyazheniya voennogo vremeni. T. 1–2. Pg., 1915–1916.
22. Mak-Ki A. Sukhoy zakon v gody Pervoi mirovoi voyny: prichiny, kontseptsiya i posledstviya vvedeniya sukhogo zakona v Rossii 1914–1917 gg. // Rossiya i Pervaya mirovaya voyna (Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma). SPb., 1999. S. 151–155.
23. Marchenya P. P. P'yanye pogromy i bor'ba za vlast' v 1917 g. // Novyi istoricheskii vestnik. 2008. № 1 (17). S. 84–95.
24. Mendel'son A. L. Itogi prinuditel'noi trezvosti i novye formy p'yanstva. Pg.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1916. 54 s.
25. Mikhailov I. A. Gosudarstvennye dokhody i rashody Rossii vo vremya voyny. Pg., 1917. 216 s.
26. Nikolaev A. V. Antialkogol'nye kampanii vo vremya Pervoi mirovoi voyny // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva. Seriya «Istoriya». Vyp. VI. Tol'yatti, 2004. S. 60–72.
27. Novyi poryadok prodazhi denaturirovannogo spirta // Vestnik politsii. 1915. № 36. S. 6.
28. O zhelatel'nosti razresheniya prodazhi legkikh vinogradnykh vin // TsGIA SPb. F. 569. Op. 12. D. 1696.
29. O meropriyatiyakh protiv tainoi trgovli krepkimi napitkami // GARF. F. 102. Deloproizvodstvo 2. Op. 73. 1915 g. D. 9 «A».
30. Ob izdaniy obyazatel'nykh postanovleniy po Petrogradskoi gubernii // GARF. F. 102. Deloproizvodstvo 2. Op. 74. 1916 g. D. 9. Ch. 44 «I».
31. Osobyie zhurnaly Soveta ministrov Rossiiskoi imperii. 1909–1917. M.: ROSSPEN, 2000–2009.
32. Petrogradskie vedomosti. 1914. № 188.
33. Poznyshchev S. V. Alkogolizm kak faktor prestupnosti. M.: Pechatnya A. Snegirevoi, 1915. 93 s.
34. Po proektu obyazatel'nogo postanovleniya o vosproshchenii izgotovleniya, priobreteniya i prodazhi napitkov, sodержashchikh spirt, i o poryadke prodazhi denaturirovannogo spirta i drugikh spirtnykh izdeliy // GARF. F. 102. Deloproizvodstvo 2. Op. 72. 1914 g. D. 14. Ch. 9.
35. Porshneva O. S. Krest'yane, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoi mirovoi voyny. M.: ROSSPEN, 2004. 368 s.
36. Prilozheniya k prikazu po Petrogradskomu gradonachal'stvu i stolichnoi politsii... // TsGIA SPb. F. 569. Op. 12. D. 1016.
37. Prikazy po peterburgskomu gradonachal'stvu i stolichnoi politsii za 1916 g. // TsGIA SPb. F. 569. Op. 18. D. 95.
38. Rukovodstvo po piteinoi chasti // TsiAM. F. 17. Op. 93. D. 2.
39. S materialami Osobogo soveshchaniya, obrazovannogo dlya vyrabotki zakonoproekta po ukreplenyu narodnoi trezvosti // RGIA. F. 1242. Op. 1. D. 10.
40. S obyazatel'nymi postanovleniyami po gor. Moskve (Moskovskoe gradonachal'stvo) // GARF. F. 102. Deloproizvodstvo 2. Op. 73. 1915 g. D. 9. Ch. 23. T. II.
41. Svod zakonov Rossiiskoi imperii: svodnyi tekst za 1832–1917 gody. SPb.: Avropa, 2007.
42. Sidorov A. L. Finansovoe polozhenie Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1960. 472 s.
43. Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem Senate. 1 otdel. 1914. SPb., 1914.
44. Skol'ko rashoduetsya Rossiei na voynu i otkuda poluchayutsya eti den'gi. Pg.: Tipografiya «Kopeika», 1917. 8 s.
45. Statistika tainogo vinokurennya // Vestnik politsii. 1915. № 10. S. 4.
46. Tolokushkin A. V. Istoriya nalogov v Rossii. M.: Yurist", 2001. 432 s.
47. Usilenie prestupnosti // Vestnik politsii. 1916. № 8. S. 236.
48. Shepilov D. Alkogolizm i prestupnost'. M.: Izdatel'stvo Instituta po izucheniyu prestupnosti i prestupnika, 1930. 104 s.
49. Shingarev A. I. Finansovoe polozhenie Rossii. Pg.: Sinodal'naya tipografiya, 1917. 32 s.
50. Herlihy P. The Alcoholic Empire. Vodka and Politics in late Imperial Russia. Oxford: University Press, 2002. 244 r.